

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Данила Манцуров

Дело 54:15

<https://litres.ru/74005286>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывшие следователи, Боря и Жора, по совместительству лучшие друзья, вновь сталкиваются с делом Свефнторнского маньяка. Смогут ли они разобраться в деле десятилетней давности? Почему оно стало началом конца? И кто, а главное, каким образом, всё-таки пытается контролировать общество?

Содержание

Глава 1. Усыпляющий шип.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Данила Манцуоров

Дело 54:15

Глава 1. Усыпляющий шип.

Страх. Что такое страх на самом деле, сказать сложно. Жора не знал ответа на этот вопрос, он думал об этом сотни раз, и сейчас мысли снова не давали ему покоя. Он мчался по Кольцевой автомобильной дороге А118, прямо за город, к своему старинному другу Боре. Давным-давно им довелось разделить вместе тяготы службы в комитете. А сейчас, раз в месяц, они собирались у Бори на даче, чтобы вспомнить былое, под бокальчик виски, строго со льдом.

Жора летел на своем черном джипе, явно испытывая за него, то есть джип, чувство гордости. Он говорил так: «За такой и налоговая еще не ебёт, и перед пацанами уже не стыдно». Конечно, эта крылатая фраза не имела никакого отношения к действительности. Во-первых, налоговой нет никакого дела до отставных пенсионеров, а во-вторых, сказать, что Жора понтовался им перед какими-то пацанами, тоже было нельзя. Возраст уже не тот.

Жора и сам не понимал, почему его постоянно терзает это странное чувство. Оно преследовало его, как жужжащая муха, или, скорее, банный лист, прилипший обязательно на

спине, там, где толстым рукам Жоры, его достать было сложнее всего.

«Сейчас в бане вся эта дурь и выйдет» – небезосновательно думал он и давил на газ.

*

«Что такое дача?» – всегда в свойственной себе манере спрашивал Боря. Это храм души, не в том смысле, что редко приезжаешь, а в том, что по-настоящему ценишь, только если своими руками строил. Сложно сказать, что появилось раньше: сама мысль, что строить надо самому, или мысль родилась вследствие. Но очевидно было одно: дачу он свою любил и души в ней не чаял.

Жора просигналил три раза, это было что-то вроде секретного кода, и ворота стали отъезжать в сторону. Он припарковал машину в излюбленном месте, прямо рядом с небольшим прудом, сделанным, конечно, лично Борей.

Вся территория выглядела ухоженной, перед домом располагался декоративный пруд – тот самый, и гараж, находившийся как бы в стороне, по правую руку. А слева, небольшой хозблок.

– Георгий Аркадьевич, – прокричал Боря, выходя из дома.
– Здравия желаю, как ты, дорогой?

– Да ладно, Борь, только вчера созванивались. Ничего нового не скажу, – быстро пробубнил Жора и стал доставать из багажника привезенный с собой шашлык в маринаде и прочую незначительную утварь.

– Вот, возьми лучше, – Жора кинул взгляд на старого друга, протягивая ему сумку.

Боря взвалил сумку на плечо, и они прошли в дом. Зашли на кухню, разложили всё привезенное по надлежащим местам.

– Ну что, сразу немного накатим? Или ...

– Даже не спрашивай, Борь, поехали.

«Борис Васильевич – человек исключительный: умный, харизматичный, высокий, интеллигентный, и даже к какому-то дворянскому роду вроде принадлежит. Но есть в нем одно качество, которое меня лично дико раздражает: он, сука, жрет и не толстеет.» Именно такую характеристику сформулировал Жора и пользовался ею при любом удобном случае уже очень-очень давно. Повторил он ее и сейчас. Они посмеялись и, сделав еще пару глотков прохладного виски (прохладный он был, естественно, из-за льда), пошли на задний двор.

– Пошли, что покажу, – как бы полушепотом сказал Боря.

Задний двор представлял собой продолговатое пространство, незримой линией разделенное на пополам.

По правую руку располагалось все, что связано с отдыхом: баня и мангальная зона, бассейн и детская площадка для внуков, а вдалеке даже маячил небольшой теннисный корт. Вся левая часть была отдушиной – сад. Здесь Боря высаживал цветы, деревья, преимущественно вишню, и прочие прелести радующую его душу.

– Ну как тебе? – радостно спросил Боря, указывая на небольшую теплицу.

– Ты что, Борь, теплицу купил?

– Ну да, небольшая, специально, чтобы спряталась за деревьями и перед глазами не маячила, но зато какая. Тут вот будут грядки с огурчиками, – открывая теплицу и показывая, расплывался в улыбки Боря. – а тут помидорчики!

– Да, вот дела! Ты с каждым годом все больше и больше сельским жителем становишься, – улыбаясь сказал Жора. – Скоро корт снесешь, и туда теплицы ставить начнешь.

– Вообще была такая идея, только не теплицы. Снести бы все и засадить клубникой. А то зачем строил, никому ничего не нужно. Дети не приезжают почти, а я уже давно не играю, колени, сам понимаешь.

Боря всегда был заядлым работягой. Отсюда и были все его проблемы: разлад в семье, сначала с женой, а потом и с детьми. Нельзя сказать, что здоровье его сильно подводило, как он говорил сам: «Грех жаловаться». Но и тем молодым и бойким орлом он давно уже не был. Радикулит и остеохондроз – стандартный набор человека, положившего жизнь на благо родины.

Они вновь пошли в дом. Пройдя через столовую и комнату для гостей, вошли в кухню.

– Ну что, какой план действий? Баня и шашлык?

– Знаешь, я мясо не хочу жарить, желудок в последнее время беспокоит.

– А зачем покупал тогда?

– Ну ты сказал, я и купил.

– Странный ты человек, Жор. Шашлык не хочешь, баню не хочешь.

– Я про баню ничего не говорил, только ради нее и приехал.

– Спину опять защемило?

Боря в этот момент достал бутылку из холодильника, разлил по стаканам мягко коричневую жидкость и строгим и отработанным движением бросил в каждый стакан по два кубика льда.

– Нет, просто мысли дурные терзают последние дни.

– И ты решил их веником выбить? – с улыбкой проговорил Боря, продолжая приготовления к застолью.

– Ну да, всегда помогало же, по дедовскому методу.

– Это тебе не баня помогала, товарищ майор, а виски.

На подсознательном уровне Жора, конечно, понимал, что это чистая правда. Но он утешал себя знакомым каждому человеку набором очищающих фраз: «Компания хорошая, как не выпить», «Иначе и разговор не пойдет», «Ну Борька пьет, а я че, лысый?». Вообще, надо сказать большое спасибо тому герою, что когда-то впервые сказал: «Я пью за компанию». Если бы не он, боюсь, что Жора уже тонул бы в навязанном обществом самобичевании. Все мы люди – существа социальные, и как бы ни хотели, но думаем, что о нас скажут и подумают другие. Но все эти новомодные движения, беско-

нечно кричащие о вреде алкоголя, вызывали у него только недоверие.

«Ну вредно, и что? Работать тоже вредно, но об этом никто не беспокоился, пока я 35 лет обществу отдавал», – про себя думал он.

Боря же, наоборот, был одним из счастливчиков, которых крайне редко интересовало чужое мнение. Он невероятно гордился этим и показывал каждым своим движением и словом, если выдавалась такая возможность. Боря представлял жизнь как огромного змея, пожирающего свой хвост. Не потому, что змей олицетворял хрупкость мира или единство с божественным. Он говорил следующие: «Вот она, себя кусает, а другим то никогда не позволит этого сделать, сразу башку откусит. Вот и человек так же должен: сам себя как бы покусывать, а если кто-то это попытается сделать за тебя, то дать в морду, чтоб неповадно было». Сложно сказать было в этом что-то разумное или нет, но Боря был фанат и другой мысли «Бей своих, чтоб чужие боялись», – произнесенной его любимой исполнительницей.

*

Постояв на кухне, возле продолговатой столешницы, будто специально предназначенной для их собраний, еще какое-то короткое время они решили не мучить свои больные спины и переместиться в комнату отдыха.

Так называемая «комната отдыха» напоминала скорее библиотеку. Она выглядела прямоугольной, с одним боль-

шим окном панорамного типа. Две другие стены, противоположная и прилегающая, были полностью заставлены книгами. При взгляде на последнюю стену, в глаза сразу бросался камин, выполненный в каком-то средневековом стиле. Сразу над ним располагалась картина.

Только в этот раз, входя в комнату, Жора задумался о том, что никогда не интересовался у напарника, откуда у него столько книг, да и зачем они ему в принципе. Не сказать, что он имел что-то против, просто это восхищало его и пугало одновременно. Почему так происходило, было не понятно. Возможно, он не мог поверить, что человек способен прочитать все эти бесконечные талмуды или что при прочтении всей этой литературы можно хоть что-то запомнить. А может, всё вместе. В любом случае, сегодня это было не так важно.

А вот про уже знакомую картину он спрашивал у Бори не раз.

– А что ты за херню повесил? – спросил Жора, увидев её впервые.

– Картина!

– Это я и так вижу, я имею в виду название.

– Я не уверен, что у неё название есть, Жор. Её поляк какой-то, во второй половине двадцатого века написал, а он названия не любил давать, говорил, что живопись – это форма, а не содержание.

– Мрачная она какая-то!

– Это правда. Вот ты что на ней видишь?

– Паренёк идёт какой-то, в руках огниво, а за ним эти истуканы наблюдают, большой брат какой-то.

– Интересно, – немного подумав, отозвался Боря. – А я сначала на статуи внимание вообще не обратил, увидел стены, будто преграды.

– И как ты думаешь, какой смысл он вложил?

– Тут уж каждый сам решает, что вкладывать. На то оно и искусство, будь то картины или книги.

– А я честно не всегда понимаю бесконечное стремление людей искать смысл во всём. – резко заявил Жора.

– Думаю, это желание контролировать. Ведь сложно контролировать то, чего не понимаешь.

Они затихли и вновь уставились на картину, пытаясь или найти тот самый скрытый смысл, или, может, придумать название. Но этот кусок материи вызывал довольно спорные чувства в душе обоих. «Конечно, любая живопись прекрасна, но вешать перед глазами и каждый день любоваться этой мрачной вещицей – это излишне, по-моему», – считал Жора.

Боря же при долгом рассмотрении задавался вопросами совсем другого порядка: «Эти статуи, они скорее спутники, верно сопровождающие героя, или препятствующие просветлению глыбы?»

*

Перед камином располагался небольшой столик, на котором товарищи разместили два стакана и блюдце с лимоном.

Два кресла – чтобы сесть самим и напольный торшер – видимо, для чтения в вечернее время.

Немного выждав и успокоив дух, Борис начал:

– Аркадьевич, ну рассказывай уже, не томи, что случилось-то?

– Да ничего не случилось, с чего ты взял?

– Жор, я же тебя не первый год знаю, в июле вон тридцать пять лет стукнуло, как знакомы. Я ещё у машины увидел, что ты весь на взводе и сам про мысли дурные говорил. Выкладывай давай.

– Не знаю, что и сказать, Борис Васильевич.

– Ну ты найдись в словах-то.

– Да дело не в словах. Проблема в том, что что-то беспокоит, а что и сам не знаю.

– А как проявляется? Что за мысли, в конце концов?

– Как проявляются, – повторил Жора с легкой ухмылкой и призадумался. Потом снова начал: – Страшно мне, вот страх сковывает и всё. Ничего поделаться не могу. Всё тело в дрожь бросает, потом холодный пот. Затем всё проходит, голова только болит и мысли дурные.

– И давно?

– Да месяц, может, два.

– Хм. В прошлый раз приезжал, нормальный был вроде.

– Так да, баня помогла или виски, не знаю. Надеюсь, что и в этот раз тоже поможет.

– Ну, до бани ещё час, примерно. Ты пока лучше расска-

жи, Аркадьевич, с чего всё началось?

Жора надолго задумался. Боря не хотел нарушать мыслительный процесс друга, поэтому встал, включил виниловый проигрыватель, стоявший где-то в углу, и занялся камином.

Несколько нехитрых манипуляций, и тепло двинулось прямо в сторону постигающего глубины своих ощущений Жору. А фоном любимая исполнительница Бори как раз вытягивала следующие строки: «На Тихорецкую состав отправится ...»

– Я не знаю, Борь. Вот всю жизнь прожил, до майора дослужился ведь, – прервался, но снова быстро начал Жора. – Сколько убийц поймал, ведь самый лучший следак по городу был. Это я к чему: что голова-то работает, что-то там есть, значит, не совсем дурак. А всё равно, сказать, что чувствую, – тяжело. Вот ком в горле, и чуть ли не плачешь.

– Да, Аркадьевич, все думы душевные, они логическому объяснению не поддаются, поэтому, какой бы ты умный ни был, а всё равно сложно. Ты вот вспомни, например, этого... – Боря щупал воздух, пытаясь вспомнить имя и продолжить мысль. – Ну этого, что девушку свою зарезал в кровати и всю кровать цветами заставил.

– Гордивский. Фёдор вроде. Изверг просто, а не человек, но умный был, зараза.

– Да, на вышку в физмат поступил, чемпион чего-то там по шахматам. Это я к тому, что мозг и чувства, они ведь отдельно друг от друга живут.

– Ну, знаешь, Борь, какой-то странный пример. Он то ма-
ньяк конченный был, обманом девушек затаскивал в кровать
и жестоко убивал. – Жора перевёл дух. Вспоминать события
любого дела было для него больно, несмотря на то, что он
помнил их все, как первое. Он сжал челюсть, проглотил слю-
ну, допил содержимое бокала и продолжил: – Видите ли, ему
девушка в кровати призналась, что обманывала и не любит.
А цветы — это извинения. – Он снова взял паузу.

– А я просто ... – Жора посмотрел на картину, но утонул
в её темно-оранжевых оттенках и забыл, что хотел сказать.

– Ладно, не вспоминай, я же знаю, как тебе это тяжело
бывает, – начал Боря.

– Ну, парень реально псих был, как сейчас помню. Дело
№ 21:27. Я вот думаю, и мурашки по коже: сколько бы ещё
убить мог, если бы не случайность!

Несмотря на то, что эти воспоминания приносили Жоре
боль, он не мог от них избавиться или не хотел этого сам. Он
дорожил ими и часто думал о том, что именно пройденный
путь сделал его тем, кто он сейчас. А если нынешний «ты»
себя устраиваешь, то и жаловаться как-то неправильно.

– Ну, от случайности там мало, его оплошность, а ты ею
и воспользовался, – бодро подхватил рассказ Боря, чтобы
похвалить друга и перевести тему. – Ну, я тогда был пора-
жён, честное слово! Ты сам подумай: приходит ко мне в ка-
бинет молодой следак, зелёный ещё совсем, и начинает ерун-
ду какую-то нести. Какая-то бусина, какой-то браслет у пар-

ня первой жертвы. Ну, улика максимально косвенная. Никто в здравом уме не стал бы ставить на это, но ты с каким-то небесным рвением пытался мне доказать, что сможешь его на чистую воду вывести.

– Да он был совсем ребёнок ещё был, хоть и умный. Вот я его и загрузил: мол, бусина доказывает, что он был на месте четвёртого преступления, сейчас проведём экспертизу, и если найдём его ДНК, то ему хана. А если сознается, то шанс есть, может, вышку не дадут. Ну, он и признался, – заключил свой рассказ Жора.

– Да, тогда и интернета, и всех этих сериалов про детективов не было. А сегодня они насмотрелись всей этой ерунды. И одна половина решила, что может убивать и не попасться, потому что, мол, они все приёмы знают. А вторая что это так романтично, преступления раскрывать, что пошли работать, – подытожил общую мысль Боря.

Они взорвались громким смехом, отчасти потому, что видели множество подобных историй в реальной жизни. А может, потому, что сами принадлежали ко второй группе. За исключением того, что выросли не на сериалах, а на историях и книгах о бесстрашных и доблестных сыщиках.

*

Бутылка подошла к концу, баня была готова – в общем и целом всё вокруг кричало о том, что пора менять место дислокации.

Жора не спешил, он утонул в своих мыслях и совсем за-

был, с чего началась беседа.

Боря же, напротив, помнил. Он хотел вернуться к началу, чтобы помочь своему близкому другу. Понятно, что специализированным психологом он не был, но прекрасно осознал, что зачастую сделать первый шаг важнее всего, потому что он, как правило, самый трудный.

Они вышли на задний двор. Погода за последние полтора часа изменилась и стала характерной для региона проживания двух закадычных друзей – заморосил дождь.

Они быстро пробежали под летним дождем, который, несмотря на всеобщую ненависть, был горячо любим Борей. Он всегда говорил так: «Дождь — это одно из древнейших орудий, защищающих людей с самых пещерных времен». Что это значило, он никогда не объяснял, а у него и не спрашивали.

Наконец они добрались. Настроение у Жоры поднялось в ту самую секунду, как они переступили порог бани. И все ранее заботившие его проблемы улетучивались через дымоход, как будто сгорая в печи.

– Пойду еще подкину дров, а ты раскладывайся, – приказал Боря.

Жора осмотрел до боли знакомое помещение. Сколько теплых разговоров было проведено в этих стенах, не счесть.

Разложив закуски и приняв необходимую амуницию, они продвинулись в парную.

– Да, Борь, пар что надо, мягкий такой.

– Спасибо, Жор. Только мы от темы отклонились.

Жора долго собирался с мыслями. Он не лукавил, ему действительно было трудно говорить о своих переживаниях и эмоциях. Боря не давил, он понимал, что именно для этого и бывают нужны друзья в такие ответственные моменты, ведь каждый сможет проводить время вместе за жарким спором, бокалом виски или обсуждением последних новостей. Но истинная ценность дружбы заключается именно в этом, умение молчать друг с другом.

– Короче, мне страшно, постоянно переживаю. Просто, понимаешь, мы столько дерьма видели в этом мире. Людей рвет на части ведь, Борь, и я даже не знаю, кто – дьявол или они сами. Их рвет злоба, алчность, зависть ... Они ведь живут в этом, и постоянно варятся, понимаешь? Сколько мы таких видели. И я бы смирился с этими мыслями, это, в конце концов, их проблемы. Но я постоянно думаю, – Жора приостановился, он сказал это все так быстро, будто текст был заготовлен заранее, – думаю, что произойдет что-то страшное, и переживаю и за дочку, и за брата. Да за всех, всех, кто близок и дорог, понимаешь? Я, в конце концов, только о них и беспокоюсь.

– Я рад бы помочь тебе, но сам понимаешь, мы никак не можем повлиять на это. Я тоже постоянно думаю. Гаврюша – внучок у меня, такой озорной растет, хорошенький. А потом новости прочитаешь вечером и переживаешь, чтоб ему никто в школе не сунул херню какую-нибудь. Сейчас же время

какое, в новостях что рассказывают, каждый школьник наркотики купить может, это просто в голове не укладывается. – Боря приподнялся, набрал ковш воды и бодро опрокинул его на камни. Пар обжог немолодую кожу, и разговор продолжился. – И нам с этим, увы, ничего не сделать, как бы нам ни хотелось взвалить эту ответственность на себя.

Они решили передохнуть, вышли из парной и по старой, отработанной схеме направились в ледяную купель. Когда все формальности были соблюдены, друзья направились к столу.

Они не имели привычки выпивать в бане, считая это вредным. На такой вывод их натолкнул знакомый врач, ранее консультирующий их по профессиональным вопросам, если так можно выразиться. Поэтому давно приняли решение, что баня остается «сухой зоной».

– Я говорю скорее про то, на что нельзя влиять и контролировать. Ну вот вспомни, например, дело № 28:22. Это же, если так подумать, можно разума лишиться.

– Жор, ты же знаешь, я все дела по номерам не помню, как ты!

– Митиков, Александр Иванович, убит на парковке, башку проломили. Улик нет.

– Да, помню, помню, кажется, это там потом оказалось, что его секретарша грохнула?

– Да, но, блять, если бы она только его грохнула, она же других начала крошить. Четверых на тот свет отправила. И

за что? За то, что они богаты были.

– А, точно, помню, она этому олигарху завидовала, что денег много и добился всего. На этом фоне и грохнула, а потом ей понравилось, я так понимаю, и она решила восстанавливать справедливость. Якобы богатые жить не должны.

– И вот ты представь: ты живешь, помогаешь детским домам, организуешь сборы для ветеранов, спонсируешь какие-то исследования. А тебе молотком по башке ...

– Да, интересная она, конечно, личность была.

– Очередная шизоидная истеричка, которая решила, что может решать, что плохо, и что хорошо, – Жора сказал это с особым отвращением. – Я много думал про это: мы ведь почему-то решили, что сами вправе решать, что плохо, а что хорошо. Просто сами того не замечаем. Вот сегодня проснулись и решили, что этот человек плохой, потому что он деньги украл. А когда после кражи он нам помогает вдруг, то он уже не такой плохой. Он оказывается даже благородный.

– Да, надо было этому Александру о секретаршах заботиться, а не сиротах, – с легкой улыбкой сказал Боря, чтобы разрядить обстановку.

– Ты вот смеешься, Борь, а я ведь серьезно. Мне кажется, что с этого все и начинается. Сегодня мы даем себе право подменять истины и жонглировать ими, как хотим. А завтра и убийство не грех, если под определенным углом смотреть.

– Ну знаешь, люди друг друга убивают с самого первого дня цивилизации, – Боря немного замешкался, будто не по-

нимая, продолжать дальше или нет. – В каком-то смысле это даже бóльшая истина, чем все остальные.

Оба замолчали, не совсем понимая, что сказать, да и нужно ли продолжать в принципе.

Через несколько минут коллегиально было принято решение выполнить еще несколько заходов в парную.

Жора считал, что пар костей не ломит, поэтому всегда брал с собой большое ведро с чуть прохладной водой – для уверенности в поддержании нужной температуры. Боря же экстремальных температур не выносил, но зачастую сидел с лучшим другом до самого конца в знак солидарности и уважения. Примерно два года назад он даже упал в обморок таким образом, видимо, попытавшись доказать самому себе, что еще пара минут роли не сыграют.

Жора тогда долго испытывал чувство вины из-за своей неосмотрительности, но невероятно гордился тем, что даже в таком возрасте за считанные секунды вытащил Борьку на свежий воздух, даже не запыхавшись. При этом тайно благодарил Бога за то, что толстый тут он, а не Борька.

– Ты, Жор, напомни, как ты эту секретаршу то поймал, а то я материалы вскользь помню!

– Ооо, это легко! Я вот, знаешь, иногда сам себе диву даюсь: я даже дату рождения братьев забываю или когда последний раз дочке звонил. Зато с точностью могу вспомнить фамилию и имя убитых или убийц и даты в придачу. – Жора задумался, насколько это важное качество помогало ему по

жизни, потом сразу понял, что это сейчас не так уж и важно, надо было переходить к истории.

Рассказывать о раскрытых делах он любил, на то было несколько причин. Первая и основная – он искренне любил свою работу. Суть второй заключалась в том, что Жора видел сакральный смысл в своей миссии на этой земле – ловить убийц. Он был глубоко верующим человеком и считал, что именно Бог наставил его на этот путь. Ну и последняя, но не по значимости – он любил вспоминать далекие времена, где он еще совсем молодой, все зубы свои и зрение еще не упало. Но в таких случаях, упоминания того, что Жора человек верующий, он считал важным добавлять, что никогда не придерживался Великого поста, не ходил в церковь каждое воскресенье и не читал молитвы на регулярной основе. Понятие «глубоко верующий» для него заключалось в том, что он искренне верит в Бога, рай и ад, в прощение и наказание. И хотел заслужить честь попасть в рай тем, что вся его жизнь в совокупности принесла больше пользы, чем вреда. Принесенную пользу, естественно, оценивать должен сам Бог. А всё прочее – молитвы, посты и количество икон дома – считал полумерами, которые позволяют людям набрать пару лишних очков на шкале веры. Причем шкала эта была интересна исключительно людям, Бог на нее никогда внимания не обращал.

! Примечание от автора: важно отметить, что все переживания героев, и особенно их мнение по любому вопросу,

никак не отражает видение и мироощущение самого автора. Автор, напротив, считает, что вера не поддается описанию, а пытаться впихнуть ее в рамки слов глупо. Полагать, что кому-то, кроме вас, есть дело до вашей веры, – является в высшей степени иллюзорным допущением.!

– В общем, так, – продолжал Жора. – Зима, ночь, я уже дома валялся, смотрю по телеку «Большие гонки», очень я их любил. И мне звонок, ну как это обычно бывает: труп, все дела. Приезжаю туда. А он, значит, сидит так, как бы облокотившись на машину. Машина хорошая была, новенький «Гелик», черный как смерть. – Он вдруг остановился, чтобы подумать, насколько это уместное сравнение, но решил не прерывать ход рассказа. – Ну, значит, сняли отпечатки, ну все, как обычно, что я тебе рассказываю.

Боря слушал не отрываясь. Конечно, абсолютное большинство он помнил, но хотел, чтобы Жора рассказал еще раз.

– Давай все: следственно-оперативные, допросы, показания. Я, значит, эту секретаршу вызвал тогда, мы с ней беседовали долго, складно стелила так. Ну и забылось. Думаю, все, висяк. Проходит месяц, второй труп. Ну, тоже не связали. А когда на третий приехал, стало понятно: серия. Я честно не знаю, что ей двигало, может она свой стиль пыталась найти, может, в фильме каком-то увидела. Но она им стала в рот монеты пихать, ну, чтобы подавились своим богатством якобы. У первого, начальника ее, монеты не было, потому

что она тогда еще не понимала, что дальше по этой кровавой дорожке двинется. А для всех остальных уже монеты во рту придумала.

Все стали замечать, что «сухая зона» делает свое дело, и эффект виски уже сходит на нет. В парную идти дальше желания не было, поэтому было решено начать бутылку №2. Раздобыв все необходимое, они живо наполнили бокалы. Чокнулись. Жора взял на себя ответственность и сказал: «За то, чтобы у нас все было, и ничего за это не было». Они посмеялись и выпили. Следующие пару минут прошли в каком-то легком блаженстве.

– Ну-ну, продолжай, – оборвал тишину Боря.

– Я все никак зацепку найти не мог. Ну, знаешь, всегда есть ответ, просто иногда его не видно, потому что много всего сразу в поле зрения попадает. И я, значит со старым товарищем встретился, он позвонил, говорит: «Внук родился, давай посидим». Мы с ним учились вместе, он сообразительный парень был, в тот момент в Федеральной службе безопасности работал, – Жора всегда уважительно относился к коллегам, чтобы про них не рассказывали в обществе. – я ему все рассказал, по существу. А он мне заявляет: «Так, а что за монеты ...»

Жора вдруг остановил рассказ, улыбнулся и тихо выпил. На вопрос Бори, что случилось, он ответил следующее: «Да я вспомнил, у него позывной такой смешной был – «Сорняк». «Хороший мужик был, жалко не с нами уже.» Они еще раз

тихо чокнулись, а после небольшой паузы Жора продолжил.

– Он у меня спрашивает так неожиданно, что за монеты мол. Я говорю, что монеты испанские-песо. А он в шутку отвечает: «Мол тебе осталось всех, кто в Испанию летал провернуть и дело в шляпе. Мол, круг подозреваемых невелик, тысяч сто всего», – и смеется. А меня осенило, что секретарша-то и летала, она же сама мне это и сказала. Что она бы босса убить не успела, только прилетела и багаж дома разбирала. И вроде сходилось все, а оно вон как вывернулось. Ну, с того дня мы ее и пасли по тихой. Вот и взяли на месте преступления, а то пятый был бы, считай, – говорить четко и внятно становилось все тяжелее, односолодовый виски с гордым оленем на этикетке и двенадцатилетней выдержкой давал о себе знать. – Она только, зараза, сдаваться без боя не хотела. Ну и подстрелил ее омоновец, они же парни бойкие, с ними шутки плохи. Она как давай этим молотком этого миллионера по голове бить, ну, он и выстрелил прямо в сердце.

– Да, – протяжно сказал Боря, голливудский боевик считай, – Ты вообще книги писать не думал, Жор?

– Нет, – с размашистой улыбкой и смехом ответил он.

– Сейчас все равно каждый второй пишет, а у тебя хотя бы есть опыт и рассказать что, не то что у малолеток всяких..., Ты подумай, Жор, подумай, – подытожил Боря.

*

Была уже поздняя ночь. Где-то рядом сидела кукушка и

насторожённо сообщала обратившемуся незнакомцу, которого не было видно, отведенные его телу годы жизни.

– Георгий Аркадьевич, а погода-то какая, глянь, – он обвел свои владения взглядом, глубоко вдохнул, чтобы поймать свежий ветер, принесенный откуда-то с берегов залива, и протяжно, во весь голос сказал: – Благодать.

– Пойдем домой, Васильич, – немного пошатываясь из стороны в сторону, сказал Жора. – Я думаю, мне уже хватит.

Они прошли в дом и без капли сомнений направились в горячо любимую обоими комнату отдыха. Камин давно утих, поэтому вновь воскресить его пламя выпала честь Жоре. Боря редко подпускал других людей к чему-либо, включая камин, но сегодня по какой-то причине передумал.

– Мне тут сосед привез сигару кубинскую, достаю?

Жора призадумался. Он всегда считал сигареты и все другие никотинсодержащие продукты «игрушкой дьявола». Конечно, к самому дьяволу напрямую это отношения не имело, просто его искренняя убежденность в том, что сигареты придуманы для контроля всех слоев общества, не нашла выхода в других словах, кроме как этих. Он много раз обсуждал этот вопрос со всеми глубокоуважаемыми курильщиками и каждый раз убеждался в своей правоте. Жора считал важным заметить, что только так можно объяснить то невероятное рвение всех зависимых разрушать себя и свой организм этим малоприятным удовольствием. Ну и тот факт, что индустрия табакокурения сильно изворачивается, чтобы за-

хватить под свое крыло всех, конечно, сомнений в его теорию не добавлял. Последней каплей стали электронные сигареты. «Видя, что молодежь перестает курить их дрянь, они тут же изобрели эти странные электронные симуляторы сигарет. Причем, как закурили, готов спорить, они специально сделали эти симуляторы, посадили молодых, а потом сами же и начали рассказывать, что это вреднее, чем сигареты. Создав этот парадоксальный эффект: человек в желании бросить курить переходит на симуляторы. Затем от всех вокруг слышит следующее: «Бросай эту дрянь, лучше обычные сигареты кури». И желает бросить уже их. А когда у него получается, то он, счастливый, начинает курить обычные сигареты, ведь они не так вредны», – твердо заявлял Жора.

Конечно, эта теория была слишком запутанной и больше походила на теорию заговора, придуманную анонимным пользователем на коленке за пять минут. Причем сложно сказать, что она доказывала больше, желание индустрии никотина подчинять все слои общества или зарабатывать деньги на этих самых слоях. Но тут дальнейшие размышления становились излишни, так как по природе своей эти цели так же неотделимы друг от друга, как различны на первый взгляд.

– Ладно, давай, – неохотно ответил Жора, конечно, понимая, что эти слова идут вразрез с его установками. Но, учитывая то, что день сегодня выдался довольно нервный, это действие не вызвало внутреннего конфликта, по крайней ме-

ре, осязательного сейчас. Да и вообще, кто без греха – пусть кинет камень, твердо подумал он.

Они расселись по местам. Густой, или, вернее сказать, твердый дым сигары опоясывал пространство.

– Я, знаешь, что никак забыть не могу, – вдруг произнес Боря. – Свешторн...

Возникла неловкая пауза. Она продолжалась около пяти минут, пока Жора не нашел в себе силы продолжить.

– Я боюсь его, боюсь до сих пор, – прошептал Жора.

– Сколько, десять лет прошло?

– Осенью годовщина.

– Я даже и не помню уже ...

– 54:15, дело № 54:15, я запомнил навсегда.

– Прости, что вспомнил, – искренне сказал Боря. – Просто мы его так и не нашли, и я решил ...

– Я не хочу это вспоминать, не сейчас.

Жора убрал взгляд в панорамное окно, ему хотелось спрятаться или убежать. Едва сдерживая слезы, он вдруг понял, что давно утихшие воспоминания снова вспыхнули, стоило услышать лишь одно слово. Четкое и ясное осознание того, что именно это слово вызывало страх, тот самый страх, что поглощал его целиком, привело его в ужас.

– Я себе клятву тогда дал, что найду суку.

– Я знаю, Жор, знаю. Давай за Аллу выпьем, Жор, пусть земля ей будет пухом.

В памяти Жоры стали всплывать картины прошлого. Он

вспоминал свою жену, Аллу, как они были счастливы вместе. Конечно, он помнил и само искажение: счастливы они были не так сильно, как казалось сейчас. В целом, все, как и у всех, даже говорить стыдно. Ссоры по поводу и без, где катализатором могло послужить что угодно, от абсолютно пустых задержек на работе до более серьезных разногласий мировоззрения. Но он любил ее, по-настоящему. Он вообще считал, что полюбить возможно только один раз, все последующие попытки похожи скорее на симулятор полетов, чем на сам полет. Поэтому найти другую уже не смог, да и не старался толком, если честно, – признавался он себе в момент слабости. Так было и удобнее, и спокойнее.

Жора вдруг нашел в себе силы, чтобы продолжить этот диалог, сам того от себя не ожидая.

– Мне даже показалось, что я жить без постоянного страха научился, но недавно как будто опять свербеть начало, даже не могу объяснить почему.

– Ты главное ерунды никакой не натвори, все хорошо будет, Жор.

– Я это дело, как сейчас, помню, Борь. Пятнадцать трупов. Семь девушек, семь мужчин, резал всех подряд, а пятнадцатая моя Алла была.

– Да, я только до сих пор понять не могу: у него типаж был от 20 до 40 лет, твердо, он его придерживался. Почему потом эту бабку нашли? Ей за 80 лет было ведь. Может, подражатель?

– Я тоже так думал поначалу, а потом вот что понял: на местах преступлений же крови никогда не было, а значит, обескровливал он их в другом месте. А бабуля эта, скорее всего, случайной свидетельницей была. И я чувствовал, что разгадка где-то там, она как-то связана была или с местом, где он это делал, или узнала что-то. Но как только я туда капать начал, он тогда Аллу и ... – Жора взял паузу, допил стакан, затем ненадолго вышел из комнаты. А когда вернулся, то начал:

– В общем, да, залег на дно, и дело в архив.

– Может, он умер? Десять лет все-таки, – холодно предположил Боря.

Жора молчал.

*

«Несмотря на твердую уверенность Жоры в том, что бабушка была случайным свидетелем, факты говорили совсем другое. Интуиция Бориса кричала о подражателе, чем он, несомненно, делился с другом множество раз. Самым важным аргументом в поддержку версии Бориса была ошибка, которую допустил подражатель в самом символе. Свешторнский маньяк, как позже прозвали его в СМИ, заслужил свое прозвище, потому что четко следовал какой-то невообразимой инструкции. Конечно, следствие понятия не имело, по какому принципу он отбирал жертв. Общее было одно: тела были полностью обескровлены, на лбу и на кистях был изображен «Свешторн» или «Шип сна» по одному на каж-

дом указанном участке. Символ на лбу изображался как вертикальный стержень, в изголовье которого располагалась загогулина, напоминавшая крюк, ниже нее три поперечные линии, а на конце ромб. Символ на кистях, в свою очередь, отличался. На конце изображался не ромб, а круг. После разговора с одним археологом, изучавшим преимущественно Норвегию, Жора выяснил, что этот магический знак, встречающийся во многих сагах и магических формулах, использовался для того, чтобы уложить противника в глубокий сон, от которого невозможно проснуться.

На теле, оставленном подражателем, все символы имели круг. Учитывая это и возраст погибшей, Боря заключил, что ничего общего с настоящим маньяком это дело не имеет и стоит рассматривать ее дело отдельно. Но смерть жены твердо убедила Жору в обратном. К слову, все та же интуиция говорила Боре, что именно Алла могла стать случайным свидетелем, ибо другого объяснения он просто не мог найти». – вдруг, как справкой, промелькнуло в голове Бори давно забытое дело.

– Я тебе никогда не говорил, – вдруг вспомнился Жора, – наверное, потому что сам не сразу понял, а потом не до этого уже было.

– Что не говорил?

– Ее вещей при ней же не обнаружили, ни сумки, ни ключей от квартиры или машины.

– Не думаю, что это важно.

– Но он никогда раньше вещи не забирал, наоборот, он же ухаживал за телами, приводил в порядок одежду. А тут вещей нет – не вяжется.

Оба задумались. Каждый среди клубов дыма пытался найти ответы на беспокоящие его вопросы, но у каждого из двух друзей не получалось.

Первые лучи солнечного света, неохотно осветили комнату отдыха. Картина вмиг стала более насыщенной и даже слегка блестела мягким розовым отблеском, по крайней мере, именно так увидели уже закрывающиеся и уставшие глаза Жоры. Долгое время нависшую тишину никто не нарушал, но в какой-то момент это пришлось сделать. И не потому, что хотелось, просто иногда понимаешь, что иначе никак.

– Надо уже ехать, сейчас вызову такси.

– Я тоже уже засыпаю, остаться не приглашаю, – слегка улыбнулся Боря. – Знаю, не согласишься.

Они вышли во двор, к излюбленному пруду. Дождались надвигающейся на них белой «Кио Рио» и горячо обнялись.

– Машину завтра заберу, – пробубнил напоследок Жора.

Боря лишь помахал на прощание рукой, закрыл за собой калитку и пропал в мягких утренних лучах.

*

Боря под давлением мыслей, зашел в комнату отдыха. Едва заметно нервничая, он ходил кругами по комнате, грыз ногти и выбирал пластинку. Ему хотелось включить свою любимую исполнительницу, присесть на мягкое кресло воз-

ле теплого камина и уснуть, забыв всё как страшный сон. После нескольких попыток найденная пластинка была установлена. Боря опустил иглу и присел на так желаемое кресло.

Исполнительница запела: «А знаешь, всё ещё будет...»

Прошло время, но мысли так и не давали ему уснуть. Он правда старался, сильно, но это было сильнее него.

Он посмотрел на картину. Один лишь прекрасный голос успокаивал его в этот момент, но голос затих, и решение было принято.

Он поволок стол прямо к камину, забравшись на него, отодвинул картину. Прямо за истуканами прятался сейф, на котором была панель, требующая пароль. Он без раздумий ввел пароль «5415», и сейф послушно открылся.

Он был заполнен лишь двумя атрибутами: там лежала пластинка и ключ. Он взял и то, и другое.

Спустившись, он так же быстро направился к виниловому проигрывателю, заменил пластинку и прибавил звук на максимум.

Женский голос запел:

«Вот опять окно!

Где опять не спят!

Может, пьют вино,

Может, так сидят

Или просто рук не разнимут двое

В каждом доме друг, есть окно такое!»

Боря быстро вышел из дома и почти бегом направился к хозблоку. Зайдя внутрь, он прошёл к задней его части, присел на колени и среди набросанной соломы отыскал замок. С помощью ключа из сейфа он успешно расправился с препятствием, и уже через секунду открыл люк.

Его сердце забилось с новой силой. Он спустился вниз по крутой лестнице и увидел до боли знакомое место.

Это было просторное помещение, чем-то напоминающее мастерскую. Спустившись, Боря обвёл взглядом всё вокруг. Прямо перед глазами располагался рабочий стол, на нём лежали снимки. Их было много, и на каждом можно было рассмотреть фигуры мужчин и женщин, кричащих от боли. Он подошёл к столу, взял несколько фото. На обратной стороне одной из них было написано следующее: «02.11.2007, Алёна» Он перебрал следующее фото: «05.12.2008, Евгения». Боря аккуратно положил фото на место. На его лице, которое прежде передавало все тончайшие движения души, не

было эмоций – ни одной. Над столом будто сажей были нарисованы символы, их было три, и каждый из них был известен Боре. У одного, того, что по центру, был ромб на конце, а у двух других – круги.

С правой стороны от стола располагалась кровать. По ее состоянию было видно, что уже долгое время ее не использовали по назначению. Сама кровать была похожа на армейскую: сквозь худой матрас почти виднелись пружины.

Боря прошел к кровати, присел. Немного пометавшись в мыслях, он достал из-под кровати сумку, похожую на женскую. «Что ощущает человек, который борется с демоном внутри себя? Или, правильнее сказать, борется сам с собой! Стыд? Панику? Слабость? Или страх? – Это было уже не важно, ибо всего через секунду остается только спокойствие и пустота», – заключил Боря. Затем, ощутив на своих щеках слезы, вдруг запел:

«Вот опять окно

Где опять не спят!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.